УДК 82:1

Н.В.НАУМЕНКО, *канд. философ. наук*, *доцент*, *nsirena77@mail.ru*
Санкт-Петербургский государственный горный университет

N.V.NAUMENKO, *PhD in phil.*, *associate professor*, *nsirena77@mail.ru*
Saint Petersburg State Mining University

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ СТАТУСА ЛИТЕРАТУРЫ

Работа посвящена рассмотрению трансформации статуса литературы, который в литературоведении (и в гуманитарных науках) постепенно меняется уже начиная с XVIII века, в том числе благодаря поиску неявных смыслов в культуре и в литературе. Референтная функция произведения, ориентированная на реальность, отходит на второй план, а на первый выходит – поэтическая функция, направленная на сообщение как таковое.

Ключевые слова: функция символического, литературная теория, поэтическая функция, глубинные образования культуры.

PROBLEM OF CHANGE OF THE STATUS OF THE LITERATURE

Work is devoted consideration of transformation of the status of the literature which in literary criticism (and in the humanities) has already been changing gradually since XVIII-th century thanks to search of implicit senses in culture and in literature. Referential function of the literary work focused on a reality, fades into the background, and on the first there is the poetic function directed on the message itself.

Key words: function symbolical, the literary theory, poetic function, deep formations of culture.

Ученик Р.Барта А.Компаньон в своей работе «Демон теории. Литература и здравый смысл» представляет актуальный, на наш взгляд, обзор литературной теории, показывающий проблематичность статуса литературы. Содержание понятия литературы изменяется, согласно данному исследованию, уже с середины XVIII века. На смену определению литературы как вымысла распространяется определение литературы с акцентом на идею прекрасного (И.Кант и романтическая традиция). Литература представляет собой, согласно словарю того времени, просто «эстетическое использование письменного языка».

В романтическом аспекте литература отделяется от жизни и рассматривается как ее искупление или же с конца XIX века как единственно подлинное переживание абсолюта и небытия (например, у М.Пруста в «Обретенном времени» или у Ж.-П.Сартра в «Тошноте»).

С другой стороны, в формалистическом аспекте возможно разделение обыденного и литературного языка или выделение литературного использования обыденного языка. Внутри речи или знака всегда присутствует прозрачность и препятствие. Обыденная и литературная речь различаются, исходя из этих основных категорий. Таким образом, от романтизма до С.Малларме литература становится «продолжением и применением некоторых свойств Языка», говоря словами П.Валери.

Подобная попытка универсального определения литературы как чисто словесного искусства или «эссенциалистская поэтика в ее формальном варианте», согласно Ж.Женетту, говорит о том, что постепенно от Аристотеля до Валери, проходя этапы Канта и Малларме, определение литературы через вымысел постепенно уступило место ее определению через поэзию или слог, по выра-

жению Женетта. Эти два представления делят между собой поле литературы.

Согласно формалистам, произведение становится литературным благодаря такому приему как остранение (литературность), который «возникает благодаря доминированию некоторых приемов из числа формальных инвариантов или языковых черт, характеризующих литературу как экспериментирование с «возможностями языка» (по выражению Валери)» [2, с.48].

Согласно Компаньону, «сущность литературы основана на формальных инвариантах, доступных анализу» [2, с.48], таких как жанры, типы, фигуры. Формализм опирается на лингвистику и обретает новую силу в структурализме, отделяя словесное устройство текста от других взглядов. Литературность возникает не от использования каких-то особенных языковых элементов, а от иной организации того же самого обыденно-языкового материала. На первый план выходит поэтическая функция. Литературные формы не отличаются от языковых форм, только в литературном произведении они организованы особенным образом, что позволяет делать их более наглядными. Литературность определяется по принципу «больше или меньше» (например, больше тропов), отмечает Компаньон.

В целом литературность или любое определение литературы предполагает какое-то предпочтение, оценку, представленные как универсальное правило (например, остранение). Так, в структурализме под влиянием формализма преимущество отдавалось явлениям отклонения и самосознания в литературе в противоположность условности и реализму (различение текста для чтения (реалистического) и текста для письма (остраняющего) у Р.Барта).

Ж.Женетт делает вывод о том, что «литературность – явление множественное и потому требует создания плюралистической теории» [1, с.360]. Помимо конститутивной литературы (поэзия и вымысел) в XIX веке появляется еще и обширная область кондиционально литературной прозы (автобиография, мемуары, эссе, история и т.д.), которая входит в литературу в зависимости от вкуса и (или) моды. «Разумнее всего будет, по-видимому, временно признать за каждой из поэтик свою долю истины, иными словами, свою часть литературного пространства»[2, с.356].

Нельзя не согласиться вместе с Компаньоном, что выводы, сделанные Женеттом, наиболее адекватны в современном понимании литературной теории, поскольку «у литературы нет сущности, – это реальность сложная, неоднородная, изменчивая» [1, с.52]. Многообразие литературных жанров в отличие от канонического классического определения литературы (у Аристотеля – это трагедия и эпос) уже не может довольствоваться онтологическим пониманием и требует нового подхода к объяснению своего смысла. Литература как вымысел и литература как поэзия или слог – эти два определения делят между собой поле литературы, и литературу к концу XIX века начинают представлять как экспериментирование с «возможностями языка».

Кризис онтологического понимания символической функции в литературной теории, начавшийся в Новое время, продолжается и в XX веке. Англо-американская «новая критика» («ньюкритицизм»), возникшая в 30-е годы XX века, предлагает один из возможных путей осмысления нового статуса литературы. Внимание переносится с источников литературы (объективных и субъективных) на объективное бытие самой литературы («с поэта на поэзию», по Элиоту). Так, выдвинутая «новой критикой» идея «органической формы» произведения подразумевает абсолютную внутреннюю целостность и структурную взаимосвязанность его элементов, которая есть результат в большей степени реализации объективных законов искусства, а не творчества автора: автор оказывается «медиумом» художественного акта, а его произведение отделяется от него, обретает самостоятельную жизнь независимо от намерений творца. Так, у Ж.-П. Сартра истина литературы состоит в том, что она способна вернуть человеку «тотальность» видения мира, которая недоступна ему в обычной жизни. Сартр подчеркивает межличностное начало в литературе, ее гуманизирующую функцию, но имеет в виду

не истину «бытия», а «истину» конкретного социального мира и социального общения.

В данной ситуации важной задачей литературоведения (и гуманитарных наук) становится не просто описание результатов культурной деятельности человека в их непосредственной данности, а обнаружение «неявного», вскрытие зачастую не осознаваемых механизмов этой деятельности, глубинных «пружин» культуры, которые приводят ее в движение. При всех различиях в понимании этих механизмов общая установка остается неизменной: эмпирическое сознание и самосознание человека не может дать им объяснения, поскольку они сами нуждаются в нем.

Поиск неявных смыслов в культуре и в литературе некоторым образом объединяет новую критику, аналитическую психологию К.-Г.Юнга, ритуально-мифологическую школу и отчасти структурализм. Создатель аналитической психологии Юнг выводит теорию архетипов, которая определенным образом объясняет истоки культурных феноменов, рассматривая архетипы как «первопереживания», «первообразы», т.е. как определенные мотивы и их комбинации, повторяющиеся у различных авторов и необъяснимые ни индивидуальным складом психологии человека, ни воздействием на них окружающей действительности [3].

Учение Юнга и ритуалистической теории Д.Фрезера, изучавшего особенности мифологического сознания, привело в 30-е годы к возникновению ритуально-мифологической школы в литературоведении. Видный ее представитель – канадский ученый Нортроп Фрай трактует миф как коллективный, общечеловеческий архетип, способный объяснить целый ряд таких семантических пластов в произведениях последующих времен, которые непонятны и бессмысленны как осколки старых мифов и ритуалов. Согласно Фраю, вымысел не произволен, – он осуществляется на основе определенного структурного принципа, образцы которого можно зафиксировать уже в глубокой древности. Мотивы, сюжеты или жанры определенного типа оказываются парафразами одного и того же смысла, заимствованного из «коллективной памяти» и способного вновь и вновь изменяться на протяжении истории. Внутренние возможности коллективной памяти обеспечивают сквозное единство человеческой культуры. В «ритуалемах» и «мифологемах» Фрай видит не архаические «про-образы», а универсальные «пра-образы» искусства, фундамент произведения.

Итак, общая тенденция в литературе первой четверти XX века, когда референтная функция произведения, ориентированная на реальность, отходит на второй план, а на первый – выходит поэтическая функция, направленная на сообщение как таковое, дополняется теориями Юнга и Фрая, которые предлагают новое прочтение литературного произведения через обнаружение в тексте скрытых смыслов, имеющих свою основу в мощных глубинных образованиях культуры, таких как мифология и древние ритуалы. Данная тенденция в литературе имеет свое продолжение и в современной литературной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Женетт Ж.* Фигуры: работы по поэтике. Т.2. М., 1998.

2. *Компаньон А.* Демон теории. Литература и здравый смысл. М., 2001.

3. *Юнг К.-Г.* Феномен духа в искусстве и науке // К.Г.Юнг. Собр. соч.: В 19 т. Т. 15. М., 1992.

REFERENCES

1. *Zhenett J.* Figures: work on poetics. Vol.2. Moscow, 1998.

2. *Companion A.* Demon Theory. Literature and common sense. Moscow, 2001.

3. *Jung K.-G.* Phenomenon of spirit in art and science // K.G.Jung. Collection works: In 19 v. V.15. Moscow, 1992.